

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ

УДК 94(470)

СТУДЕНТЫ МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1920–1930 ГГ.)

С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых, Д.Е. Шандала

ФГБОУ ВПО "Национальный исследовательский Томский государственный университет"
E-mail: san_hist@sibmail.com

MEDICAL STUDENTS OF TOMSK STATE UNIVERSITY (1920–1930)

S.A. Nekrylov, S.F. Fominykh, D.E. Shandala

National Research Tomsk State University

В статье раскрывается повседневная жизнь студентов медицинского факультета Томского государственного университета в 1920-х – начале 1930-х гг. Это сделано на основании архивных документов и периодической печати. Наряду с анализом изменений в системе обучения, социальном составе студентов, которые имели место в те годы, реконструированы такие элементы студенческой повседневности, как материально-бытовые условия, в том числе обеспеченность стипендиями, участие в общественной работе, в научных кружках. Приводятся итоговые сведения о подготовке врачей в указанный период.

Ключевые слова: медицинский факультет, Томский государственный университет, студенты, повседневная жизнь, наука.

This article reveals daily life of medical students of Tomsk State University in the 1920s to early 1930s based on the archival documents and periodicals. The authors reconstructed the details of students' living conditions, fellowship support, public activity, and engagement in the scientific circles along with the analysis of changes that occurred in the education system and in the students' social structure during those years. The article summarizes information about training of medical doctors in the specified period.

Key words: medical faculty, Tomsk State University, students, everyday life, science.

После окончания Гражданской войны медицинский факультет Томского государственного университета, с которого начал вести свою историю первенец высшего образования и науки в Азиатской России, продолжал оставаться самым крупным в структуре вуза. В 1921/22 учебном году на этом факультете обучалось 2270 человек. Для сравнения студенческий контингент физико-математического факультета, открытого в 1917 г., составлял лишь 390 человек. Всего в университете вместе со студентами факультета общественных наук (закрыт в 1922 г.) и рабочего факультета в то время обучалось 3279 человек. Выпуск врачей в конце учебного года составил 103 человека [1, л. 113 об.].

К началу 1922/23 учебного года число студентов медицинского факультета уменьшилось до 1777 человек. На первый курс был принят 321 студент [1, л. 180]. В последующие годы факультет претерпел не только количественные, но и структурные изменения. В 1930/31 учебном году он был разделен на 2 самостоятельных факультета – санитарно-профилактический и лечебно-профилактический, которые на основании постановления СНК РСФСР от 5 ноября 1930 г. были преобразованы в само-

стоятельный Томский государственный медицинский институт [2, с. 162]. К этому времени на двух факультетах обучалось 1006 студентов [3, с. 49].

На факультете продолжали преподавать профессора М.Г. Курлов, В.М. Мыщ, Н.И. Беренговский, Н.В. Вершинин, С.В. Лобанов, Л.И. Омороков, П.В. Бутягин, С.М. Тимашев, С.В. Левашев, В.Н. Саввин. До 1924 г. в Томском университете работал профессор А.А. Кулябко. Профессорский состав пополнился выпускниками медицинского факультета разных лет. Среди новых профессоров были А.П. Азбукин, И.А. Валединский, К.Н. Завадовский, П.А. Ломовицкий, Е.И. Неболюбов, Н.С. Спасский, В.И. Сузdalский, А.Д. Тимофеевский и др. В Томск из Европейской России приехали ученик И.П. Павлова профессор Н.А. Попов, ученик А.С. Догеля профессор С.В. Мясоедов и др. Продолжили успешно развиваться научные школы и направления в различных областях медицины, заложенные еще в дореволюционный период.

В 1920-е гг. менялась сама система вузовского преподавания. Студенты принимали активное участие в его перестройке, внедрении профилактического направления медицины. Их представители входили в состав пред-

метных комиссий.

Большое внимание стало уделяться организации самостоятельной работы студентов. На некоторых кафедрах медицинского факультета (анатомии, гистологии, социальной гигиены) одно время активно внедрялся так называемый бригадно-лабораторный метод, при котором значительная часть материала прорабатывалась студентами самостоятельно [4, л. 43 об.]. Так, в 1924/25 учебном году по 6 дисциплинам лекции сохранялись в традиционном виде, по 6 дисциплинам они были отменены и заменены семинарскими занятиями, по 12 дисциплинам часть лекционного курса была заменена практическими и семинарскими занятиями, а еще по 12 дисциплинам читались только вводная и заключительная лекции, основная же часть курсов была заменена практическими занятиями.

Семинары велись по 22 предметам. Группы студентов обычно насчитывали от 25 до 100 человек. Цель такого рода занятий заключалась в том, чтобы, как это отмечалось в “Годовом отчете Томского государственного университета за 1924/25 учебный год”, дать студенту “возможность активно проявить свои знания, вызвать обмен мнениями среди присутствующих студентов, углубить изложенное на лекциях, установить более близкую связь между курсом и преподавательским составом” [5, л. 42, 43]. Однако при таком большом потоке студентов вряд ли можно было добиться желаемого результата. В том же отчете отмечалось: “Посещаемость была большая. Но активно выступающих было немного: большинство задавали вопросы или присутствовали как слушатели, не будучи подготовлены заранее к стоящим вопросам” [5, л. 43 об.].

Все подобного рода нововведения в конечном итоге привели к резкому снижению качества подготовки специалистов. В начале 1930-х гг. лекция как один из важнейших и традиционных методов преподавания была восстановлена “в правах”.

Вкратце охарактеризуем учебную нагрузку студентов медицинского факультета. Так, в осеннем семестре 1924/25 учебного года она составила от 4,5 часов на 2-м курсе до 8,2 часов на 5-м курсе в день [6, л. 20 об.].

Одно из обследований бюджета времени студентов 2-го курса того же факультета за апрель 1925 г. дало следующие результаты:

- академическая работа – 36,1%;
- самообслуживание – 15,4%;
- сон – 29,5%;
- общественная работа – 3,1%;
- отдых и развлечения – 8,4%;
- не производительно потрачено времени по чужой вине – 2,3%;
- политообразование – 1,2%;
- общее самообразование – 1,1%;
- посещение собраний – 7% [6, л. 21].

Общественная работа особенно много времени отнимала у студентов-третьекурсников. Так, в марте 1925 г. она отнимала 19,4% их времени [6, л. 21].

В итоге имела место загруженность студентов не только учебными занятиями (вместе с практическими заня-

тиями до 10 часов в день), но и всякого рода общественными работами. Выполнение всевозможных общественных нагрузок по линии партийной, комсомольской и профсоюзной организаций нередко осуществлялось за счет пропуска академических занятий.

В рассматриваемый период существенные изменения претерпевал и сам студенческий контингент. Если в довоенный период основную массу студентов медицинского факультета, особенно в первые десять лет его существования, составили выпускники духовных семинарий, то теперь преимущество при зачислении на факультет отдавалось рабоче-крестьянской молодежи. В числе студентов было много демобилизованных из Красной Армии. При университете в 1920 г. был открыт рабочий факультет, ставившей задачей подготовить недостаточно грамотную молодежь из рабочих и крестьян к обучению в вузе. Все это явилось результатом взятого советской властью курса на постепенную пролетаризацию студенчества.

Так, в 1923/24 учебном году из 1696 студентов медицинского факультета Томского университета выходцев из рабочих было 210, из крестьян – 381 человек, всего 591 человек (34,8%) [6, л. 23]. В 1922 г. на медицинский факультет было направлено партийными и профсоюзовыми организациями 115 человек. В 1928 г. на факультете обучалось 998 человек, причем выходцы из рабочих и крестьян составляли 38,6% служащие – 40,2% прочие – 21,2%. Заметно выросла партийно-комсомольская прослойка. Среди студентов было 109 (10,9%) членов и кандидатов ВКП(б), 149 (14,9%) членов ВЛКСМ 724 (72,4%). Партийная прослойка составила всего 5% (83 человека) [3, с. 44]. Таким образом, процесс “пролетаризации” затянулся почти на 10 лет.

В 1926 г. впервые был открыт широкий доступ молодежи для поступления в вузы без командировок (путевок) различных организаций. Набор частично стал осуществляться на основе отбора лучше подготовленных к обучению в вузе. В 1927 г. норма приема без командировок была увеличена до 57,3%. Направления были оставлены только для рабфаковцев, представителей национальных меньшинств и союзных республик. С последних двух групп требовалась сдача экзамена по русскому языку. Рабфаковцы же принимались без вступительных экзаменов. Постановлением СНК от 10 июля 1926 г. дети специалистов были приравнены в отношении приема к рабочим и крестьянам. Дети научных работников вузов при сдаче приемных экзаменов подлежали обязательному зачислению в студенты. К группе трудовой интеллигенции принадлежали следующие специалисты: инженеры, врачи, агрономический персонал, научные работники, находящиеся также на учете Центральной комиссии по улучшению быта студентов – (ЦКУБУ), состоящие членами секций профсоюзов. К этой же категории были приравнены и дети работников школьных учреждений социального воспитания, профсоюза работников образования и преподавателей рабфаков [7].

Тем не менее, Главпрофобр направил местным приемным комиссиям строгую директиву о недопустимости снижения рабоче-крестьянской группы, как это имело место в приемную кампанию 1926 г. Предлагалось при-

нять все необходимые меры к увеличению процента рабочих и крестьян, в частности соблюдать при приемных испытаниях индивидуальный подход, так как “подход формальный, книжный может не выявить полностью знания у рабочего и крестьянина”. Вторая мера – это более внимательный просмотр документов абитуриентов, использование пункта “Правил” к приемным испытаниям по социальному признаку [7].

В ТГУ в 1927 г. планировалось принять на медицинский факультет 150 человек, в том числе 30 выпускников рабфака. 25 мест было предоставлено фельдшерам, имевшим 3-летний стаж работы, совнацменам – 8 мест, союзным республикам – 1 место [8].

При этом медицинский факультет Томского университета и Омский медицинский институт вели набор с территории, включавшей Сибирский край, а также Ойротскую автономную область (ныне Республика Тыва). Медицинский факультет Иркутского университета обслуживал Красноярский и Иркутский округа и весь Дальний Восток. Каждый поступающий должен был знать о районировании вузов и подавать заявления в тот вуз, к которому был приписан его округ, где он постоянно проживал. Отбор производился исключительно приемными комиссиями. В отличие от прошлых лет этого права лишались аттестационные комиссии при Отделе народного образования [7].

Остановимся на материальном положении студентов Томского университета в начале 1920-х гг. Особенno трудным оно было в первые годы после окончания Гражданской войны. В условиях общего обнищания, эпидемий и голода, галопирующей инфляции студенческая жизнь была чрезвычайно трудной. Вначале внедрялся принцип государственного снабжения студентов так называемыми продовольственными пайками. Газета “Красное знамя” 17 августа 1922 г. в заметке “Томский медфак” писала: “Безотрадное впечатление производит материальная сторона студенчества, а в особенности выходцев из пролетарской среды и выходцев из рабфака. Студенты в 1921 г. и 1922 учебном году влачили полуходячее существование. Правда, существует у нас институт стипендиатов, но число стипендий, отпускаемых государством, далеко недостаточно. Немногим счастливчикам удается получить госстипендию, 30 фунтов гречневой муки с шелухой в месяц или хлеб из нее и суп из рыбы, что же касается жиров в пище, то стипендиаты не видят их в глаза совершенно”. Студенты вынуждены были или бросать учебу или полуходячими работать на железной дороге и на пристанях Томска за мизерную плату.

В начале 1922 г. на томские вузы было отпущено 700 единиц таких пайков. Однако уже в 1922 г. на смену ему пришли государственные стипендии, которыми стала обеспечиваться лишь та часть студенчества, которая была “наиболее ценна и нужна государству” [9].

На общестуденческой сходке, состоявшейся 1 февраля в актовом зале университета, было доложено, что де-

легация томских вузов, делегированная в Новониколаевск для переговоров с Сибнаробразом “проводила мысль, что для правильного функционирования томских вузов необходимо обеспечить государственными стипендиями 60% наличного числа студенчества” [10].

До января 1923 г. государственная стипендия составляла 12 руб. 50 коп. в месяц, в январе – 15 руб. 12 коп., в феврале – 50 руб., в марте – 60 руб. в месяц. Если распределением студенческих пайков занималась комиссия по социальному обеспечению студентов (комсобез), то в 1922 г. распределением стипендий стала ведать особая студенческая организация в виде Института стипендиатов. С 1 апреля 1923 г. эта комиссия была реорганизована в подотдел обслуживания студентов томских вузов. В октябре 1922 г. стипендию получали 566 студентов медицинского факультета, а к марта 1923 г. их количество уменьшилось до 532 [1, л. 80 об.].

Для материального поддержания студентов в Томске был организован Объединенный кооперативный вуз (Обкоопвуз), который имел свою лавку, хлебопекарню, 2 столовые, склады, несколько мастерских, свой транспорт и общежитие, занимался заготовкой продовольствия в различных местах Сибири [9].

Зимой 1922 г. в Томск приехал уполномоченный европейской организации помощи студентам всего мира под флагом Нансеновской миссии¹. Целями визита про-возглашались: знакомство с положением в томских вузах профессоров и студенчества, а также организация постоянной, систематической помощи в течение всего академического года: бесплатные обеды в столовой, организованной на средства комиссии Института стипендиатов, выдача одежды, пайков, канцелярских принадлежностей, учебных пособий. Так, с октября 1922 по март 1923 гг. 2910 студентов медицинского факультета бесплатно посетили столовую, а 986 студентов получили помощь одеждой [1, л. 181]. В марте 1922 г. во “Дворце труда” был организован студенческий вечер, сбор с которого пошел на нуждающихся студентов-медиков и в пользу создаваемой диагностической пропедевтической клиники [11].

В 1923/24 учебном году университет располагал 700 государственными стипендиями по 8 руб. в месяц и 45 хозяйственными стипендиями. Число получавших госстипендии сократилось с 600 до 306, а хозяйственных стипендий – с 42 до 22. Некоторые города помогали своим студентам единовременными пособиями по 5-10 руб. в месяц [6, л. 24]. “Студент-госстипендиат, – как отмечалось в одном из отчетов, – в отношении остальной массы является счастливцем” [6, л. 20].

Число студентов, которые получали материальную поддержку от родителей или родственников в достаточном размере, чтобы дать возможность нормально учиться, было крайне невелико, или эта помощь была чрезвычайно мала. Поэтому большинство студентов, не получавших стипендию, влачили полуходячее существование. Число нуждающихся студентов ТГУ в 1923/24 учебном

¹ Фритьоф Нансен (1861–1930), норвежский путешественник, исследователь Арктики, меценат. В 1920–1921 гг. верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных. Активно участвовал в организации гуманитарной помощи голодающим в России во время Гражданской войны.

Рис. 1. Главный корпус Томского государственного университета

году составило 800, в 1924/25 учебном году оно увеличилось до 900. Итого, если в 1923/24 учебном году стипендиями было обеспечено 642 студента, то в 1924/25 учебном году всего 328 [6, л. 24]. При отсутствии развитой в городе промышленности дополнительный заработок тоже было трудно найти.

Чтобы реально представить 8-рублевую стипендию, приведем месячные расходы томского студента в начале 1924 г. Плата за комнату, если он ее снимал в частном секторе, как минимум равнялась 1–1,5 руб. в месяц. К этому надо добавить плату за электричество – 1 руб. 45 коп., за воду – 20 коп., за караул – 5–10 коп. Всего 2 руб. 80 коп. – 3 руб. 35 коп. – в среднем 3 руб. Кроме того, надо учесть расход на дрова, очистку уборных и так далее, что даже при совместном проживании в комнате 2–3 человек составляло минимум 1 руб. – 1 руб. 25 коп. Таким образом, в среднем расход составлял 4 руб. – 4,5 руб. коп. в месяц.

Помимо этого каждый госстипендиат – член профсоюза и член добровольных оборонных обществ платил ежемесячно членские взносы по 10 коп. Могли быть и другие взносы. В итоге на руках от стипендии оставалось не более 3 руб. – 3 руб. 50 коп. На эти деньги студенту предстояло прожить целый месяц.

Газета “Красное знамя” писала: “Даже если допустить, что студент весьма выносливое существо, полуголодом может жить годами (подобно верблюду, питаясь старыми запасами своего жира), то все-таки он обречен в конце концов на гибель, потому что без обуви, без одежды, которых уж нет никакой возможности приобрести, не проживешь. И вот так, перебиваясь с хлеба на квас, ведет студент свое жалкое, подчас полускотское существование, заболевает часто желудочными болезнями, ревматизмом, простыает вечно и к концу высшей школы из человека когда-то здорового, сильного, жизнерадостного получается полукалека, человек, растративший свою молодую жизнь на учебу и борьбу с голодухой и, потому неспособный в жизни по выходе из высшей школы проявить ни интенсивности, ни энергии в хозяйственной работе страны, ни даже жажды этой работы по специальности, к которой он когда-то с жаром, не щадя своего здоровья, стремился... В конечном итоге страдает от этого государство” [12].

Однако уже в 1926/27 учебном году материальное положение студентов ТГУ несколько улучшилось. Размер госстипендии увеличился до 20 руб. в месяц, а количество стипендий возросло на 84. В распоряжении университета имелось 545 стипендий, в том числе 31 стипендия ВСНХ, из которых 25 по 25 руб. и 6 по 40 руб. Помимо этого студентам было выделено до 60 стипендий от разных организаций и учреждений размерами от 10 до 65 руб. Стипендиями в первую очередь обеспечивались выходцы из рабоче-крестьянской среды. Они получали почти 77%, а члены ВКП(б) и ВЛКСМ 46,5% от всего числа стипендий [4, л. 40 об].

Что касается бытовых условий томских студентов, то они тоже оставляли желать лучшего. В 1922/23 гг. на всех студентов Томска имелось всего одно общежитие, рассчитанное на 70 человек. В общежитии жили как студенты университета, так и технологического института. Плата за общежитие не взималась. Средства на содержание общежития образовывались из экономии студенческих пайков. На нужды общежития отчислялось 25% стипендии проживавших в общежитии гос. стипендиатов. Эти средства тратились на отопление, освещение, водопровод, ремонт и мелкие хозяйствственные расходы. Обслуживающего персонала в общежитии не было, за всем следили сами студенты, проживающие в общежитии [1, л. 181 об].

В 1926 г. при ТГУ и Сибирском технологическом институте (СТИ) имелось уже 5 студенческих общежитий, которые были “битком забиты”. В статье “Как они живут: быт томского студенчества” газета “Красное знамя” сообщала, что в Томске из числа 3458 студентов вузов стипендиями были обеспечены 1580 человек, т.е. около 50%. Средний размер стипендии составил 20 руб. На эти деньги студент должен был приобрести одежду, учебники, заплатить за стол и квартиру”. Короче говоря, подытожил автор статьи, 20 руб. не хватает. “Особенно семейным” [13]. К началу 1926/27 учебного года были отремонтированы студенческие общежития по Ленинскому проспекту, 8 и ул. Белинского, 7. В общежитиях намечалось частично перераспределить комнаты с целью увеличения числа проживающих [14].

Вот описание общежития ТГУ на ул. Белинского, 7, которое еще называлось “Красным студенческим домом”

(ныне это здание является памятником деревянной архитектуры): “Громадное красивое здание, вузовцы занимают 16 комнат. Все живущие – стипендиаты. Это общежитие может служить примером остальным. Такова там постановка. Холостяку не приходится заботиться ни о чем. Он платит 13 руб. 06 коп. и получает за это: помещение, койку со всеми постельными принадлежностями, простой, но сытный обед, два раза в день чай с сахаром и хлебом и все коммунальные услуги. Остальная часть профетарского студенчества, обеспеченного лишь стипендией, ютится на частных квартирах” [15].

О студентах, снимавших жилье у участника, та же газета писала: “Каково беднягам живется под крыльышками сребролюбивых квартирохозяек, – вероятно, известно каждому. За счастье студент может считать, если он снимает комнату по кубатуре. Здесь только сумей выдержать натиск хозяйки, сумей пропустить мимо ушей реплики, вроде “голотанник”, “несчастный кубатурщик” и ты кум королю! Хуже, когда ласковая услужливая хозяйка преподнесет тебе счетик рублей на 8–9 “по соглашению” [15]. Лишь в середине 30-х годов для студентов ТГУ было построено комфортабельное по тем меркам общежитие на Никитина, 4.

Сложности были и с медицинским обслуживанием студентов: “Того вузовцам приходится в отношении получения медпомощи. Лечебные книжки студентов не имеют прав страхового листка рабочего. Свои университетские врачи выписывать лекарства прав не имеют, а многие медикаменты по леч[ебным] книжкам студентов аптеками не отпускаются. Еще хуже, когда в семье студента роды. Здесь злополучному отцу впору самому в бабку-повитуху обращаться. Хорошо, если он медик, тогда с руки, а вот каково строителю или горняку?! Скверно дело с очками. Требуется ежемесячно для студенчества 15–20 очков, а отпускают 7–8. Нередко бывает, когда одни и те же очки в вечер перетаскиваются с носа на нос” [15].

Денег, выделяемых Губздравом на приобретение студентами лекарств, не могло хватать всем нуждающимся. Процент же заболеваемости среди них был весьма высок. Так, средняя месячная посещаемость студентами университетского амбулаторного врача, а он обслуживал и рабфак, составляла от 300 до 500 человек в месяц. Из них 30–40% страдали заболеваниями легких, 60–70% – нервными заболеваниями и малокровием и 1,5–2% – венерическими болезнями. С целью выправить положение предлагалось установить рациональную нагрузку студентов партийными и общественными поручениями, открыть дом отдыха для студентов, обратиться в Наркомпрос РСФСР с просьбой увеличить количество выделяемых курортных путевок для студентов. Высказывалось также предложение, чтобы открытый в Томске туберкулезный диспансер принимал студентов наравне с застрахованными. “Если эти меры не будут своевременно предприняты, – писал в местной газете М. Бах, – надежды, которые возлагаются на будущих красных спецов, не оправдаются, т.к. по окончании высшей школы они будут полнейшими инвалидами” [16].

В 1925 г. Постановлением Наркоматов здравоохранения и труда РСФСР от 2 июля 1925 г. учащиеся, состоящие членами союзов, а также их семьи были приравне-

Рис. 2. Собрание комсомольского актива Томского университета, 20-е годы

ны к лицам, имеющим право на бесплатную медпомощь за счет средств социального страхования [17].

Летом 1925 г. в окрестностях Томска в д. Куташево был открыт Дом отдыха студентов. В нем, писала газета, “пролетарское студенчество подновляет свой организм, набирается новых сил и энергии к предстоящей учебе и общественной работе” [18].

Тем не менее, несмотря на сложные материальные и бытовые условия, перегруженность общественными нагрузками, студенты выкраивали время и для занятий научно-исследовательской работой.

Известно, что до революции на медицинском факультете имелось Пироговское студенческое общество, которое на своих заседаниях заслушивало доклады и сообщения студентов, организовало проведение переписи томских студентов. Однако в начале 1920-х гг. оно практически прекратило свою деятельность. Правда, в феврале 1922 г. в ходе исследования быта студентов, организованного статистическим семинарием при Томском университете, была распространена анкета, главное внимание в которой было уделено половому жизни студенчества [19].

8 февраля 1924 г. состоялось заседание Пироговского общества при ТГУ, посвященное вопросу о его реорганизации. Было заслушано сообщение делегированного профсоюзным исполнительным бюро университета докладчика, указавшего на необходимость реорганизации общества, “ввиду того, что в существующем состоянии общество не удовлетворяет активную часть студенчества, объединенного в профорганизациях”. Докладчик отметил, что общество “не соответствует переживаемому времени ни в отношении своей структуры, ни по своему содержанию”. Направление, в котором должна была пойти реорганизация общества, заключалось в “присоединении общест[ва] к сети университетских профорганизаций, а в отношении содержания она должна быть ближе к практике. Этому предшествовала и дискуссия, развернувшаяся на страницах “Красного знамени”. Новый устав предполагалось принять на общем собрании членов Пироговского общества. После этого должна быть проведена кампания по вовлечению студенчества в ряды новой организации [20].

На смену Пироговскому обществу пришла Студенческая научно-медицинская секция, которая преследовала

Рис. 3. Студенты ТГУ в актовом зале. 20–30-е годы

цель подготовить врача общественника и поддерживать тесные связи с органами здравоохранения. “Работа [секции], – писала газета “Красное знамя”, – должна идти не сверху в виде поднесения студенту тех или иных просветительных истин, а снизу, путем самодеятельности массы при постоянном будировании ее к выявлению активности. Работа должна пойти под лозунгом тесной связи со своим производством – органами здравоохранения...” [21].

С 10 по 17 марта 1924 г. была объявлена “Неделя вовлечения в научно-медицинскую секцию”, в ходе которой распространялась информация о целях и задачах секции, и было осуществлено ознакомление с новым уставом. В Доме профсекции (ул. Белинского, 32), а также в библиотеке секции (Анатомический институт) велась запись желающих вступить в ее члены [21].

26 марта в ТГУ состоялось собрание студентов медицинского факультета, членов профсекций, на котором был рассмотрен вопрос об организации студенческой научно-медицинской секции при факультетском комитете (факкоме). Выступивший на собрании М.М. Мазур отметил, что новая организация “будет стремиться к вовлечению в нее, по возможности, всех студентов-медиков, чтобы не отставать от шагнувшей далеко вперед за последние годы научно-медицинской мысли, выдвинувшей на первое место профилактику, физкультуру, евгенику, чтобы врачи, вступая в жизнь, не потерялись среди ее требований” [22].

В составе секции имелось три подсекции (кружки) – санитарного просвещения, физической культуры и практики советского здравоохранения. Первая из них работала в контакте с санпросветом Губздрава, обслуживая различные учреждения и предприятия города направлением лекторов. Организовывались также выезды показательных санитарных судов на предприятия и в части Красной Армии. В 1925 г. санподсекция, насчитывающая

50 студентов, охватила своей работой все клубы города, предприятия. “Сансуды, санконцерты, санрулетка, санакции – вот приемы пропагандирования санитарного просвещения; в широких массах лекционный способ постепенно уступает дорогу”, – писала газета “Красное знамя” [23].

Подсекция физической культуры работала в тесном контакте с университетским физкультурным кружком. При пропедевтической клинике был открыт кабинет для изучения влияния тех или иных видов спорта на человеческий организм. Подсекция здравоохранения направляла своих членов в различные учреждения Губздрава, принимала участие в борьбе с заболеваниями туберкулезом, занималась охраной материнства и младенчества и др. [24].

Научно-медицинская секция в первый год своего существования насчитывала 202 студента, в том числе 66 студентов 1 и 2-го курсов. Больше всего научной работой занимались в секции студенты 4-го курса – 88 человек. Среди участников этой секции было 15 членов и кандидатов РКП(б), 13 – членов РКЛСМ, 161 – членов профсоюза [6, л. 19 об.]. В 1925/26 учебном году при научно-медицинской секции имелись физиотерапевтический, педиатрический и акушерско-гинекологический кружки [25, л. 10].

Студенты – члены подсекции здравоохранения занимались обследованием рабочих-подростков, участвовали в работе совещаний и комиссий при учреждениях Губздрава. Секция санпросвета вела санитарно-просветительную работу на предприятиях и в учреждениях Губздрава, в частях Красной Армии и сангруппах. Она насчитывала 70–75 человек. При секции имелась библиотека (свыше 4300 томов).

В летнее время студенты медицинского факультета выезжали на производственную практику или принимали участие в научных экспедициях. Так, студенты 3 и 4-го курсов в летний период 1924/25 учебного года получали направления на практику по линии Губздрава и правлений курортов. Они работали в качестве врачей, лекарей, сестер милосердия, оспопрививателей и низшего медперсонала. Кроме того, экспедиция в составе 10 студентов и 2 научных работников выезжала в Анжеро-Судженский каменноугольный район, где занималась изучением профессиональных заболеваний шахтеров, а еще одна в Нарымский край с целью изучения заболеваний среди инородческого населения. Несомненно, все это дало будущим врачам хорошую практику и принесло огромную пользу населению. Отчеты по итогам практики рассматривались в предметных комиссиях [6, л. 20].

В 1925/26 учебном году студенческая научно-медицинская секция приступила к организации 9 студенческих научных кружков при кафедрах, охватывающих раз-

Рис. 4. Факультетские клиники

Рис. 5. Выпускники 1925 года выпускса на встрече через 35 лет. 1960 г., Москва

личные отделы знаний (кружок социальных болезней, гигиены и профилактики и т.д.). В их работе должны были участвовать не только студенты, но и преподаватели. “Задача кружков – дать более детальное знакомство и проработку различных вопросов, которые или слишком кратко, или же совершенно не были освещены в читаемых курсах, научить студенчество разбираться в научной литературе, самостоятельно разрабатывать те или иные вопросы” [26]. Издательский отдел приступил к напечатанию лекций по патологии крови проф. А.Д. Тимофеевского, 4-го издания учебника по фармакологии проф. Н.В. Вершинина и др. Предполагалось издать лекции проф. М.Г. Курлова, справочник для врача и сборник студенческих научных работ. Секция охватывала до 120–150

студентов медицинского факультета [26].

Для подготовки новых преподавательских кадров на медицинском факультете была создана группа студентов-выдвиженцев из 13 человек, в которую входили Д.И. Гольдберг, В.Д. Тимаков и др. Д.И. Гольдберг стал впоследствии профессором, заведующим кафедрой патофизиологии Томского медицинского института, заслуженным деятелем науки РСФСР, а В.Д. Тимаков – виднейшим микробиологом, академиком, президентом АМН СССР [27. С. 16].

За период с 1918 по 1930 гг. на медицинском факультете ТГУ было подготовлено 2545 врачей [27. С. 19]. Среди выпускников тех лет были также А.И. Нестеров, В.Г. Вогралик, М.А. Клыков, Н.В. Шубин, В.А. Чепурин, Б.А. Альбицкий, Б.С. Пойзнер, С.П. Ходкевич, В.Т. Сереб-

ров, М.Г. Сергиева, А.Г. Серебрякова, И.В. Воробьев, которые стали известными учеными, руководителями научных учреждений и кафедр в различных городах страны [3, с. 44].

Таким образом, несмотря на непрерывное реформирование системы образования, неблагоприятные материально-бытовые условия медицинский факультет продолжал готовить высококвалифицированные кадры врачей, в которых так нуждалась страна. С 1931 г. начинается новая жизнь медицинского факультета как самостоятельного вуза – ныне Сибирского государственного медицинского университета.

Литература

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф. Р-1053. – Оп. 1. – Д. 143.
2. Томский университет. 1880–1980. – Томск, 1980.
3. Томский медицинский институт. 1888–1980. Исторический очерк / под ред. М.А. Медведева. – Томск, 1992.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. Р-815. – Оп. 1. – Д. 721.
5. ГАТО. – Ф. Р-815. – Оп. 1. – Д. 282а.
6. ГАТО. – Ф. Р-815. – Оп. 1. – Д. 275.
7. Красное знамя. – 1927, 31 мая.
8. Красное знамя. – 1927, 13 июля.
9. Красное знамя. – 1922, 11 марта.
10. Красное знамя. – 1922, 8 февр.
11. Красное знамя. – 1922, 24 марта.
12. Красное знамя. – 1924, 5 янв.
13. Красное знамя. – 1926, 9 дек.
14. Красное знамя. – 1926, 21 авг.
15. Красное знамя. – 1926, 9 дек.
16. Красное знамя. – 1925, 28 марта.
17. Красное знамя. – 1925, 6 авг.
18. Красное знамя. – 1925, 10 июля.
19. Красное знамя. – 1922, 28 февр., 4 марта.

20. Красное знамя. – 1924, 16 февр.
21. Красное знамя. – 1924, 15 марта.
22. Красное знамя. – 1924, 3 апр.
23. Красное знамя. – 1925, 21 марта.
24. Красное знамя. – 1925, 25 февр.
25. ГАТО. – Ф. Р-815. – Оп. 1. – Д. 313.
26. Красное знамя. – 1925, 6 нояб.
27. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В. и др. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского федерального медицинского университета (1878–2013) : библиографический словарь – 2-е изд., испр. и доп. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. – Т. 1.

Поступила 20.05.2014

Сведения об авторах

Некрылов Сергей Александрович, докт. истор. наук, профессор кафедры современной отечественной истории исторического факультета ФГБОУ ВПО “Национальный исследовательский Томский государственный университет”.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
E-mail: san_hist@sibmail.com

Фоминых Сергей Федорович, докт. истор. наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета ФГБОУ ВПО “Национальный исследовательский Томский государственный университет”.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Шандала Даниил Евгеньевич, студент исторического факультета ФГБОУ ВПО “Национальный исследовательский Томский государственный университет”.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.